

Конекко взяла его за руку и повела прочь от магазина. "Пойдем, нам нужно встретиться с Президентом".

Она сменила тему и потащила Лелуша в направлении школы. "Мы должны скоро прибыть".

Лелуш последовал за ней без труда, но заметил, что она не отпустила его руку.

Возможно, в этом мире у него все же появился шанс обрести настоящего друга. Он надеялся, что эта дружба сложится лучше, чем предыдущая.

Лелуш глубоко вздохнул, удобно расположившись на кожаном диване в комнате Оккультного исследовательского клуба.

Его глазам, казалось, больше не требовалось привыкать к темноте, он также заметил, что солнечный свет стал беспокоить его во время прогулки с Конекко.

Он откинулся на спинку, закинув правую руку на подлокотник, и закинул правую ногу на левую. Лелуш закрыл глаза, вдыхая аромат благовоний и свечей.

Несмотря на различия, ему нравилась эта атмосфера. Сидеть в школьной клубной комнате... это навевало воспоминания.

Он задумался, как сложились судьбы Ривалза и Милли, так и не узнав, признался ли Ривалз в своих чувствах этой ветреной девушке.

Когда он несколько месяцев назад поступил в Академию против своей воли, поскольку вовсе не желал возвращаться в школу и его пришлось силой заставить записаться, угрожая арестом за прогулы, он решил держаться подальше от любых школьных клубов.

Несмотря на хорошие оценки, обеспечившие ему множество приглашений, он отказывался, не желая ни с кем связываться.

Между прочим, одной из немногих групп, не приславших ему предложения, был именно Оккультный исследовательский клуб. Это лишь подтверждало его теорию, что клуб служил прикрытием для собраний Пешки Риас, как выразилась Конекко, так как по меньшей мере трое из ее членов были учениками.

Он пока не включал себя в их число и не знал, была ли Акено ученицей или нет.

Конекко села рядом с ним, поедая приобретенные по дороге сладости. После того как они остановились у руин его дома, чтобы он мог забрать бумажник, чудом уцелевший, как он выяснил, найдя его в остатках ящика прикроватной тумбочки, он купил ей шоколада у уличного торговца.

Зато его телефон оказался безвозвратно испорчен, что его раздражало, ведь штука была чертовски дорогой, и он рассчитывал, что она прослужит подольше.

Как только он раздобыл бумажник, он вытащил достаточно наличных, чтобы вернуть Конекко долг за ее щедрость, но она отказалась принимать дополнительные деньги за толстовку, заявив: "Это подарок, ты не должен платить за свой собственный подарок".

После этого он замолчал, но мысленно отметил, что должен преподнести Конекко какой-нибудь приятный сюрприз в ответ.

Разумеется, помимо сладостей - для белокурой девочки они были не столько подарком, сколько обязательством, от которого он не хотел бы отказываться, чтобы она не донимала его каждый день мольбами.

"Не такие вкусные, как твои", - с надутыми губами пожаловалась пятнадцатилетняя Конеко на сладости.

Бровь Лелуша дернулась. "Да уж, извини, все мои ингредиенты были уничтожены Падшим Ангелом. Вместе с моим домом", - съязвил он. "Хочешь, завтра я приготовлю тебе дополнительную порцию, чтобы компенсировать мою неподготовленность к такой возможности?"

Он моргнул - воу, это прозвучало горче, чем он намеревался. Возможно, он был более расстроен, чем думал - вскоре предстояли промежуточные экзамены, да и дом его был безжалостно разрушен при нападении.

И, вероятно, он не так хорошо переживал свое превращение в Дьявола, как ему казалось.

Когда он вернулся и соседи увидели его вместе с Конеко, они бросили на них красноречивые многозначительные взгляды, поняв, что его жилище уничтожено.

Он сказал им, что вышел поздно ночью за едой и заночевал у друга. Лелуш особо подчеркнул это, когда увидел понимающие взгляды, которыми обменялись пожилые супруги.

Он объяснил им, что причиной стал взрыв из-за неисправности обогревателя, упомянув, что забыл выключить плиту, когда уходил.

Это объяснение не выдержало бы серьезной проверки, но у него было чувство, что соседи не станут слишком глубоко копать.

Они предложили ему пожить у них, но Лелуш отказался, не ощущая в этом необходимости. Он солгал, что уже нашел жилье, но на самом деле понятия не имел, что ему делать дальше.

Он надеялся выработать какой-нибудь план к концу дня.

"Не нужно быть таким грубым", - опечалилась Конеко. Лелуш заметил, что ее волосы поникли в ответ на его едкое замечание.

"Ладно, завтра я приготовлю тебе добавку", - сдался он, проигнорировав внезапное возвращение ее "оживленности". То, что для Конеко было оживлением или печалью, для большинства людей сошло бы за полное безразличие. Но Лелуш, человек с большим опытом чтения людей, довольно хорошо научился распознавать настроения Конеко за те несколько месяцев, что они знали друг друга.

Правда, он пока не мог делать это так же хорошо, как ее друзья, предположил он. Но, наблюдая за их взаимодействием, он смог ее несколько разгадать.

Он знал, что Риас, Кибя или даже эта Акено, с которой он еще не встречался, вероятно, способны лучше ее прочесть. Но Лелуш усвоил достаточно, чтобы избегать мин, способных разозлить или опечалить невозмутимую девушку.

Однажды он видел ее разгневанной... Только однажды. И был очень рад, что гнев был не направлен на него.

Насколько ему было известно, обидчики перевелись в другую школу.

Что касается огорчения Конеко, Лелуш не был человеком, который намеренно задевал того, кто этого не заслуживал.

За исключением нескольких недель, когда Конеко приставала к нему с просьбами о сладостях, она ничем не разозлила и даже не раздражала его в их общении.

<http://tl.rulate.ru/book/107278/3932798>